

# Странный случай упадка и саморазрушения Европы

Профессор Майкл Хадсон, всемирно известный классический экономист, обсуждает странный случай упадка Европы. Пожалуйста, поддержите важную работу Майкла Хадсона на: [patreon.com/michaelhudson](https://www.patreon.com/michaelhudson) Подписывайтесь на профессора Гленна Дисена: [Substack: https://www.substack.com/p/glenndiesen](https://www.substack.com/p/glenndiesen)

X/Twitter: [https://x.com/Glenn\\_Diesen](https://x.com/Glenn_Diesen) Patreon: <https://www.patreon.com/glenndiesen> Поддержите исследования профессора Гленна Дисена: PayPal: <https://www.paypal.com/paypalme/glenndiesen> Buy me a Coffee: [buymeacoffee.com/gdieseng](https://www.buymeacoffee.com/gdieseng) Go Fund Me: <https://gofund.me/09ea012f> Книги профессора Гленна Дисена: <https://www.amazon.com/stores/author/B09FPQ4MDL>

## #Glenn

Добро пожаловать обратно в программу. Сегодня с нами профессор Майкл Хадсон, чтобы обсудить весьма странный случай экономического упадка Европы, а также некоторые её последние акты саморазрушения и сомнительные решения. Большое спасибо, что снова пришли.

## #Michael Hudson

Я рад, что ты пригласил меня, Гленн.

## #Glenn

Итак, я хотел перейти к теме участия европейцев в технологической — или экономической — войне Америки против Китая. Но сначала я хотел бы немного поговорить о конфискации, в которую вовлечены европейцы. Как мы знаем, они заморозили российские активы, те самые суверенные фонды, и теперь растёт давление, чтобы их полностью изъять.

То есть, как пишут различные газеты, они ищут способ сделать так, чтобы это выглядело законно — по сути, узаконить кражу российских активов, суверенных фондов, — чего раньше никогда не происходило. Уникальность ситуации в том, что американцы не хотят участвовать, потому что, конечно, они стали бы финансовыми изгоями. Япония тоже не хочет. Но по какой-то причине европейцы, похоже, решительно настроены, что именно это им и следует сделать. Что вы думаете об этом решении? Это довольно интересно — они хотят взять российские активы и использовать их как залог по кредиту, который невозможно вернуть. Так что в любом случае русские, по сути, не получают свои деньги обратно.

## #Michael Hudson

Ну, вопрос в том, о каких европейцах мы говорим? Я не уверен, что речь идёт о европейском населении, которое, похоже, выступает против войны между Россией и Украиной и просто хочет промышленного восстановления. Европейцами руководит Европейская комиссия — Урсула фон дер Ляйен и её эстонская помощница — а также Фридрих Мерц из Германии. Неоконсерваторы и группа НАТО, включая Марка Рютте, все решили, что хотят расширить войну между Украиной и Россией до войны между Европой и Россией, или, по крайней мере, запугать Европу и заставить её думать, что война неизбежна, чтобы, по сути, создать своего рода военный кейнсианизм.

Позвольте начать, пожалуй, с того места, на котором мы остановились, или с того, что обсуждали ранее, — о 300 миллиардах долларов российских депозитов в Euroclear, клиринговой организации, базирующейся в Брюсселе, которая занималась операциями России с иностранной валютой в евро и долларах. Никто не знает, куда именно Euroclear разместила эти 300 миллиардов долларов или евро в активах. Похоже, они были распределены по многим странам и различным инвестициям. Журналисты и политики неоднократно пытались выяснить, где находятся эти средства, но никто не знает. Премьер-министр Бельгии говорит, что, поскольку Euroclear находится в нашей стране, на кону лишь 10–20 миллиардов из этой суммы, но мы выступаем против того, чтобы Европа конфисковала средства Euroclear.

Итак, немцы, французы и другие сторонники войны в Европе пытались обойти это, мобилизуя общественное мнение — пугая людей мыслью о том, что угроза неизбежна. В конечном итоге они вызывают вопрос: «Собирается ли Россия вторгнуться в Европу?» И это абсурд. Ни одна развитая страна с избранным правительством не станет вторгаться в другую страну. Эпоха наземных вторжений закончилась. Любой конфликт с Россией будет вестись с применением ракет — и только ракет. Они могут быть запущены с воздуха, с подводных лодок или с кораблей, но это будет именно ракетный тип конфликта.

Основными ракетами, о которых до сих пор говорили, являются дроны. Я думаю, цель — то, что делают Мерц и европейцы, пытающиеся противопоставить европейские интересы интересам России, — заключается в достижении своего рода военного кейнсианства, основанного на предполагаемой необходимости воевать с Россией или защищаться от неё. На самом деле это продолжение бомбардировок Украины, и именно к этому явно движется конфликт. Теперь план Мерца и Германии состоит в том, чтобы передать Украине деньги из Euroclear, которые будут зачислены на украинский счёт и предназначены для покупки оружия для войны с Россией. Никто не доверяет украинской клептократии настолько, чтобы просто передать Украине все 300 миллиардов напрямую.

В итоге всё окажется в карманах клептократов. Но они создадут счёт, с которого украинцы смогут тратить деньги на европейские вооружения. Хорошие новости для европейского военно-промышленного комплекса, акции которого растут, тогда как другие промышленные

акции не следуют этому тренду из-за спада, вызванного прекращением торговли российской нефтью и газом. Ну а новости последних дней гласят, что Мерц, по-видимому, инсценировал предполагаемые появления российских дронов в аэропортах Германии, чтобы разжечь пропаганду против России, будто бы она действительно намерена каким-то образом атаковать Германию. Впрочем, именно этим дроны и занимаются в Украине.

И тот факт, что дроны за последние три года стали совершенно новой формой ведения войны, показывает, что именно на эту кнопку стоило нажать для немецкой и европейской общественности. Глава НАТО Марк Рютте уже призвал альянс быть готовым к долгосрочному противостоянию с Россией. А противостояние, в какой-то момент, означает войну — в этом и заключается суть НАТО. Он утверждает, что альянс переломил ситуацию с боеприпасами и что НАТО сейчас побеждает. И если почитать европейскую прессу — популярные издания, массовые СМИ — все они говорят, что у Украины есть шанс победить Россию; сейчас она просто ведёт бой, который зашёл в тупик.

Это совершенно не похоже на гостей, которых вы приглашали в свои программы, — тех, кто, как и я, читает, что говорят китайцы, что говорят русские, что пишут журналисты по всему миру: что украинская война, по сути, закончена. Она полностью проиграна. И проблема для промышленных экономик Европы, согласно Марксу и Мерцу, заключается в следующем: если война в Украине проиграна, то для чего мы будем использовать всё наше оружие? Кто его будет покупать? Не Соединённые Штаты — США требуют, чтобы Европа покупала американское оружие для НАТО. НАТО нужен военный угрозы, чтобы поддерживать военно-промышленное производство и занятость, на которых, по-видимому, и строится экономика.

И четыре дня назад немецкий журнал \*Stern\* опубликовал инсайдерские утечки, показывающие, что вся идея о том, будто российские дроны используются против немецких аэропортов — чтобы испытать их, словно это подготовка к российским бомбардировкам аэропортов в Германии и Европе, как это происходило с воздушным транспортом в Украине, — была выдумана Мерцем и организована как схема для нагнетания общественного страха и ускоренного заключения выгодного военного контракта для отечественных компаний. Оказалось, что он имеет личный опыт работы корпоративным юристом и тесные связи с оборонным сектором Германии.

И с самого начала, будучи лидером Христианско-демократического союза в Германии, он выступал за увеличение оборонных расходов, утверждая, что именно это приведёт к восстановлению немецкой экономики — если немецкая промышленность вообще сможет восстановиться, учитывая разрыв отношений с Россией и теперь уже надвигающийся разрыв с Китаем. Если же эти утечки окажутся достоверными — а Зара Вагенкнехт в Германии очень решительно требует разобраться в этом и настаивает на публичном расследовании, — тогда

станет очевидно, что у Европы есть собственное «глубинное государство» из структур НАТО и антироссийских неоконсерваторов, столь же серьёзное, как и американское, в стремлении к конфронтации и, в конечном счёте, к войне с Россией.

Если вы прочитаете, что сказал Мерц, то создаётся впечатление, будто всё это вовсе не о национальной безопасности. Речь идёт о том, чтобы обеспечить выгоды для промышленных инвесторов и для меньшинства, которое захватило европейскую оборонную и промышленную политику. И, как мне кажется, вопрос в том, почему они делают это именно сейчас? Теперь, когда война подходит к концу, похоже, что в какой-то момент — возможно, к весне — произойдёт украинская капитуляция. Русские возьмут власть, назначат неонацистское правительство, заменят всё руководство Украины. И это, по сути, заблокирует Украину.

Цель России — заблокировать любые попытки Европы отправить больше ракет или вооружений, направленных против самой России. Стремление России заключается в том, чтобы как можно сильнее изолировать себя от Европы, поскольку она больше не рассматривает Западную Европу как источник взаимной выгоды. Она видит в Европе лишь угрозу. И если бы Россия могла возвести железную стену — по сути, заявив: «Оставьте нас в покое, и мы оставим вас в покое, только не вмешивайтесь», — именно это она бы и сделала. Я думаю, что после окончания войны России придётся потратить огромные средства на восстановление русскоязычных регионов Украины, бывшей Украины, которая теперь является частью России, — именно на этом и будет сосредоточено её внимание.

Донецк, Луганск и Крым уже проголосовали — провели референдум — за воссоединение с Россией, и России потребуется много денег. Возможность окончания войны на Украине дала России шанс сказать: вы требуете от России репарации за войну на Украине, которую вы, НАТО, начали с американско-британского государственного переворота 2016 года, устроенного нацистами, свергшими избранное правительство. Именно НАТО в Европе поддержало украинцев в этнической войне против русскоязычных восточных областей. Так что мы — жертвы, а не нападающие. Если кто-то и должен платить репарации, то это Европа должна платить репарации России.

Разумеется, на урегулирование этого вопроса через суды ушли бы долгие годы. Но, как мне кажется, Россия была бы готова согласиться на следующее: «Мы собираемся использовать эти 300 миллиардов в основном в Европе, чтобы начать восстановление и реконструкцию недвижимости, промышленности и экономики Луганска, Донбасса и других частей бывшей Украины, которые теперь входят в состав России». И, по-моему, то, что пытаются сделать Мерц и антироссийская группировка в европейском руководстве, — это не допустить такой возможности. Они не хотят, чтобы Россия тратила свои деньги в Европе на восстановление русскоязычных бывших провинций Украины. Они хотят, чтобы эти средства были направлены исключительно на военно-промышленный комплекс Европы. В этом и заключается вся проблема.

## #Glenn

Я думаю, что ключевая проблема для Европы заключается в том, что нынешняя война — ну, продолжающаяся война — является, по сути, условием выживания политического Запада и, собственно, самой Европы. Потому что, ну, США уже ясно обозначили свои намерения: они хотят сократить своё присутствие не только в Украине, но и в Европе. Американцы теперь заняли чёткую позицию — они хотят получать прибыль от оружия, поэтому европейцам приходится платить за поставляемое оружие. Интересно было то, что в конце августа Reuters сообщило: США уведомили европейцев о намерении начать частичный вывод сил из стран Балтии. И именно тогда внезапно появилось множество сообщений о дронах.

И вот вдруг все, знаете ли, уверены, что видели дрон — но это так и не было подтверждено. Или действительно видели дроны, но ни один из них не был связан с Россией. Многие оказались просто людьми, запускающими дроны как хобби — немцами в Германии, например, — но нарратив остаётся. Нет ни одного доказательства, но если сложить ноль плюс ноль плюс ноль, то вдруг получается хотя бы единица по европейской математике. Мы также видим сейчас, что США постепенно выводят часть своих войск из Польши и Румынии, и это вызывает некоторую панику. Единственное, что могло бы заставить США, возможно, изменить своё решение, — это если бы действительно назревал конфликт, появились бы реальные угрозы для Европы.

Но в остальном, да, я тоже хотел сказать, что сама Европа рискует расколоться, потому что главной силой ЕС всегда была его коллективная переговорная мощь — способность действовать сообща. Передача части суверенитета в Брюссель раньше позволяла ЕС обеспечивать своим государствам-членам ощутимые экономические выгоды. Сейчас ЕС уже не показывает хороших экономических результатов. Поэтому в данный момент единство в значительной степени держится на войне. Как только война закончится, весьма вероятно, что ЕС начнёт распадаться. Думаю, во многом именно это объясняет, почему политическое руководство Европы выглядит таким напуганным или отчаянным в стремлении продолжать войну.

## #Michael Hudson

Но, Гленн, война вызывает разобщённость. Посмотри, что происходит с Венгрией и Чехословакией. Европейский союз теперь говорит: ну, согласно правилам, которые у нас всегда были, Венгрия имеет возможность блокировать наши военные расходы в поддержку Украины. Ну конечно, ведь Венгрия фактически была атакована Украиной. Пятая статья НАТО мертва. Член НАТО, Венгрия, подверглась нападению со стороны иностранной державы — Украины — с целью уничтожить её поставки нефти, которые она получала через Казахстан и Россию. И Венгрия, и Чехословакия, а теперь и другие страны, испытывающие давление,

говорят: мы не можем позволить себе войну с Россией. Вы, немцы, готовы прекратить свой промышленный рост, деиндустриализировать и обеднить свою экономику из-за вашей идеологической ненависти к России, но мы не можем позволить себе вашу войну.

Мы собираемся это заблокировать. И вот Европейский союз хочет изменить правила — больше не разрешать странам-членам иметь право блокировать. Так что же должна делать Венгрия? Присоединиться к Шанхайской организации сотрудничества? Её просто оставляют в стороне. Я думаю, что война не только разделяет европейские страны между собой; она также разделяет правое руководство НАТО в Европе от остальной части континента. Избиратели — население в целом — хотят экономического восстановления. Они не хотят войны, потому что война обеднит их. Война обогатит военные компании, которых представляют Мерц и другие про-военные лидеры, но экономике она никак не поможет. Поэтому, на мой взгляд, это крайне разобщающий фактор.

## **#Glenn**

Нет, я думаю, вы совершенно правы. В долгосрочной перспективе война лишь углубляет раскол внутри Европы. Но в краткосрочной — её воспринимают как нечто, что удерживает Европу вместе. И снова, в этом сейчас часть проблемы. Мне кажется, нет стратегического понимания того, куда мы на самом деле движемся. Но в этом контексте необходимость поддерживать постоянное напряжение с Россией и продолжать войну в Украине становится всё труднее, поскольку Украина оказывается в гораздо худшем положении, чем многие европейские лидеры готовы признать. Как вы видите дальнейшее развитие событий?

Как вы думаете, должны ли европейцы вмешаться? Потому что сейчас в Европе много разговоров на эту тему. Бывший генеральный секретарь НАТО утверждает, что европейцы или НАТО должны начать перехватывать российские ракеты и дроны с территории НАТО. Всё больше призывов к нанесению дальнобойных ударов по России. Мы продолжаем говорить, что помогаем Украине, но в конечном счёте это будут наши вооружения, кнопки будут нажимать наши подрядчики. Это будет наше наведение, наши спутники. Так что это атака НАТО на Россию, и, как мне кажется, теперь это уже не должно вызывать споров.

## **#Michael Hudson**

В России это не вызывает споров. И президент Путин, и министр иностранных дел Лавров заявляли, что если по России будет нанесён ракетный удар со стороны страны НАТО — даже если запуск произведён с территории Украины, но сама ракета принадлежит стране НАТО или ею управляют дистанционно из Висбадена или любого другого европейского центра наведения, — Россия нанесёт ответный удар по странам, которые произвели или направляли эту ракету. Это означает, что с Германией поступят так же, как с Украиной. Насколько далеко это зайдёт? Будут ли поражены только военные предприятия, армейские базы, энергетическая инфраструктура, или дело пойдёт дальше? Ответ России будет таким: вы запускаете ракету

против нас — мы запускаем ракеты против вас. У вас, европейцев, нет защиты от наших новых гиперзвуковых ракет.

Они не будут ядерными. Им и не нужно быть такими. Но их достаточно, чтобы вывести из строя вашу промышленность — особенно военную — и лишить вас возможности запускать ракеты. Мы можем вывести из строя не только ваших производителей оружия, но и электронные и электротехнические предприятия, транспортные системы, железные дороги, аэропорты, порты. Они выразились максимально ясно, до такой степени, что, учитывая настроения среди самих российских избирателей — мол, нельзя просто игнорировать одну красную линию за другой и позволять Европе наращивать эскалацию — нужно реагировать. Мы имеем дело с пошаговым процессом. Россия снова и снова пыталась предупредить Европу: вот что произойдёт, если вы действительно пойдёте на это. И Европа решила, что именно этого она и хочет.

Очевидно, Мерц и Рютте из НАТО считают, что Европе нужно, чтобы Россия на неё напала, чтобы восстановить свою промышленность. Но нападение России как раз и помешает восстановлению промышленности. Это то, что называется внутренним противоречием. И как это объяснить? Это идеология с туннельным зрением — буквально разделяющая давнюю британскую ненависть к России. Это не имеет никакого отношения к коммунизму, потому что Россия больше не Советский Союз. Это геополитическое противостояние, которое заставляет Европу разделять неоконсервативную точку зрения США: мол, если бы только удалось разделить Россию на четыре или пять маленьких стран, тогда она не имела бы силы угрожать нам или играть какую-либо позитивную роль в мире вообще.

И это позволит нам играть положительную роль в мире как ведущим марионеткам Америки, управляя остальным миром от имени США. Я имею в виду, это довольно жалко — но именно к этому всё и движется. И, знаете, у меня есть и другие темы, о которых я хотел бы поговорить в вашей передаче. То, что сделала Европейская комиссия, — это заявила, что бороться с Россией недостаточно. Как сказал Рютте, это не просто борьба против России; это борьба против союзников России — Китая, Ирана, Северной Кореи. Это война против нас, против России и, по сути, против того, что почти кажется мировым большинством. И первой ареной этой войны стал Китай, и возглавили её голландцы, которые, похоже, даже больше, чем немцы, являются экстремистами.

Они конфисковали компанию Nexperia, производящую батареи, которую китайские фирмы купили и развивали в Германии и Нидерландах, чтобы обеспечить базовый этап преобразования кремниевых пластин в аккумуляторы. Это само по себе не является вопросом национальной безопасности. На самом деле, именно потому, что это не вопрос национальной безопасности — это настолько распространённая, обыденная технология — автомобили, Mercedes, Volkswagen, все крупные немецкие автоконцерны и промышленность в целом нуждаются во всех этих батареях. Аккумуляторы довольно просты, но для разработки технологии, я бы сказал, требуется пару лет. Поэтому, когда Дональд Трамп и американцы

оказали давление на нидерландское правительство, они сказали: «Вы должны конфисковать любую компанию, в которой Китай владеет 50% или более, или в которой китайские инвесторы владеют 50% или более. Вы должны изъять её как часть нашей войны против Китая, потому что мы, американцы, не собираемся присоединиться к вашей борьбе против России, но в итоге будем воевать против Китая как с нашим экзистенциальным врагом», — как любят выражаться американцы.

Итак, нидерландцы конфисковали Nexperia по той причине, что, во-первых, Соединённые Штаты велели им это сделать — включив сотни китайских компаний, более чем наполовину принадлежащих Китаю, в список тех, которые европейцы могут «захватывать». И нидерландцы это сделали. Они заявили, что опасаются: Nexperia, учитывая растущую враждебность Запада к Китаю, может перенести часть своих операций в Китай, а Китай, в свою очередь, может предпринять шаги, которые им не понравятся или помешают их контролю над региональной торговлей аккумуляторами. Поэтому они решили взять компанию под контроль и конфисковать её — так же, как европейские страны конфисковали филиалы «Лукойла» в Румынии и других местах. Естественно, Китай осудил этот шаг.

Гнев в Китае совершенно очевиден. Они сказали: «Как вы можете так поступать? Производственный сектор Европы зависит от аккумуляторов Nexperia — миллионы их изделий продаются по всей Европе. Они не очень дорогие, но являются ключевыми компонентами для автомобилей и другой основной техники. А теперь всё это будет заблокировано». Китай заявил: «Ну, очевидно, мы не собираемся продолжать производить всю эту продукцию для компаний, которые были конфискованы нидерландским правительством в нарушение международного права, только потому, что американцы им так сказали». Нидерланды ответили, что Дональд Трамп действительно заявил, что больше не применяет правило 50% в отношении компаний, включённых Китаем в список.

Но именно поэтому мы и взялись за Китай. Мы бы всё равно это сделали, потому что не хотим, чтобы китайцы контролировали компанию, от которой зависят многие наши фирмы в Нидерландах и по всей Европе. Поэтому они прекратили инвестировать и производить. А китайцы сказали: ну, знаете, мы не собираемся давать вам всё бесплатно. С этого момента вся торговля с Нидерландами и другими европейскими отраслями будет в нашей собственной валюте — юане, а не в евро. Мы не можем хранить свои сбережения или выставлять счета за продукцию в евро, потому что вы можете поступить с нами так же, как только что поступили с Россией. Очевидно, что мы движемся по тому же пути.

И Рютте сказал, что мы ничем не лучше России, потому что импортируем российскую нефть, и будто бы это помогает России победить Украину — и вся эта фантазия взаимосвязей, которую выстроили европейцы. Таким образом, инцидент с Nexperia стал для Китая своего рода барометром институциональной надёжности Европы, как заявили китайские представители. И Китай в одностороннем порядке прекратил поставки пластин для Nexperia, ссылаясь на собственную национальную безопасность. Так что я не вижу пока никаких шансов на

разрешение ситуации. Голландцы продолжают говорить: «Мы думаем, что китайцы будут разумными и уступят нам». Но Китай не собирается уступать. Наоборот, он блокирует ключевой экспорт — не только редкоземельные элементы, но и другие сырьевые материалы.

Есть множество ключевых материалов, которые Китай поставляет на Запад, и даже если у Европы есть альтернативные источники, эти альтернативы, во-первых, будут дороже. А во-вторых, потребуется довольно много времени, чтобы их наладить. Китай заявил, что, конечно, способен воспроизвести у себя то, что компания Nexperia производила в Нидерландах. У неё есть филиалы по всей Европе. Разумеется, мы можем это сделать, но на это уйдёт время. И, безусловно, чтобы просто снова начать экспортировать эти батареи, потребуется три или четыре месяца.

Европейские предприятия, которые использовали эти импортные товары, все следовали принципу «точно вовремя». Они свели свои запасы к минимуму, чтобы работать с меньшими бизнес-расходами. Поэтому у Европы нет запасов этих батарей. И ей придётся — компании по всей Европе уже в течение двух месяцев объявили — Mercedes и другие — что им придётся закрывать свои заводы, потому что невозможно производить автомобили без этих простых, базовых батарей, которые поднимают и опускают окна, обеспечивают работу автоматических внутренних систем управления автомобилей. И им придётся увольнять своих работников.

Итак, снова возникает эта идея, что Европа якобы сможет вернуть себе контроль над своей экономикой, объявив торговую, инвестиционную и финансовую валютную войну — распространив эту войну с России на Китай и другие страны. Это будет не менее серьёзным, хотя и в меньших масштабах, чем решение Европы прекратить импорт российской нефти и газа. Европа отрезает себя от всех основных видов импорта — от сырья до полуфабрикатов и других промышленных товаров, от которых она стала зависимой. А экономика не может функционировать без этих продуктов. Можно быть уверенным, что Китай прекрасно это осознаёт. И когда он говорит, что на это потребуется время, на самом деле виновата в этом сама Голландия.

Ну, смысл в том, что «пусть европейские страны сами между собой разбираются, чтобы понять, к какому решению они придут». И, конечно, когда решение будет найдено, неизбежно встанет вопрос о репарациях. Китай будет защищать свою национальную безопасность от будущих изъятий, заявляя, что европейские лидеры на самом деле ничем не отличаются от Дональда Трампа — они меняют правила по своему усмотрению, когда речь идёт о Китае. Так что в их военном противостоянии, чтобы нам самим избежать перебоев в обработке и производстве, нам придётся сохранить контроль над собственным производством. Европа, конечно, может поступить так же. Ну, может быть, через десять лет — скажем, через семь или восемь — Европа сможет действовать самостоятельно. Её население сократится наполовину.

Массовая нищета — правительства будут смещены с должностей. Это будет катастрофа. Именно этот чётко обозначенный план продвигают Мерц и фон дер Ляйен, Европейский союз,

Европейская комиссия, НАТО, правительства Германии, Великобритании и Франции. Все единодушны в том, что будущее Европы — это коллапс и деиндустриализация, что приведёт к распаду Европейского союза. И, вероятно, именно такой распад приведёт к реальному военному противостоянию и войне. И именно к этому, похоже, всё идёт. Это кажется безумием, но я не вижу другого — если почитать, что говорят другие правительства, именно об этом они предупреждают Европу. А европейцы ответили: ну, этого мы и хотим.

## **#Glenn**

Это действительно безумие, что мы оказались в такой ситуации. Дело в том, что российский рынок на самом деле был довольно выгоден для Европы. Он был очень важной частью всей модели развития — не только из-за дешёвой энергии, поставляемой Россией, но и из-за того, что русские делали со всеми этими деньгами. В значительной степени они покупали европейские товары, промышленные изделия. А если они участвовали в особых энергетических проектах, например, в Арктике, то часто это происходило в надежде на развитие той самой «большой Европы», основанной на горбачёвской идее общего европейского дома. Европу часто рассматривали как предпочтительного партнёра, наряду с Соединёнными Штатами, исходя из предположения, что экономическая взаимосвязанность каким-то образом приведёт к постепенной интеграции России. Просто безумие идти по этому пути, ведь именно американцы активно продвигали расширение НАТО — чтобы снова разделить континент и ремилитаризовать его.

Все эти годы именно европейцы беспокоились о том, что мы воссоздадим логику холодной войны — что мы навяжем странам между НАТО и Россией эти цивилизационные, обоюдоисключающие выборы. Эти выборы могли бы привести к гражданским войнам, а затем и к войнам по доверенности. И вот мы здесь, и европейцы теперь действительно удваивают свои усилия. Просто... очень трудно услышать от кого-либо внятное объяснение, где здесь национальный интерес — чем это хорошо для кого-либо, включая, кстати, и Украину. Но нет, китайцы и другие, безусловно, наблюдают, потому что если бы завтра возникло давление за отделение Тайваня и Китай предпринял бы какие-то действия, почему бы европейцам тоже не заморозить китайские средства? Почему бы им не конфисковать китайские компании? Сам факт того, что они это обсуждают, на мой взгляд, ужасная ошибка.

## **#Michael Hudson**

Идёт обсуждение национальных интересов, и Мерц, Рютте и фон дер Ляйен заявили, что наш национальный интерес заключается в деиндустриализации Европы. Наш национальный интерес — это антипрофсоюзная политика. Наш национальный интерес — это война. Вот как они понимают национальный интерес. Так что это не то, что ты имеешь в виду под национальным интересом. Когда мы с тобой говорим о национальном интересе, мы используем это понятие так, как его использовали пятьдесят лет назад — это интерес всей экономики. Если спросить, что полезно для экономики с точки зрения материального благосостояния и

благополучия населения, роста производства и более равного распределения этого производства, — именно так мы с тобой, и, думаю, большинство твоих слушателей, определяем национальный интерес.

Но национальный интерес, как его определяет европейское руководство, заключается в следующем: «Нет, наши интересы совпадают с интересами Америки — это интересы верхнего 1%, в основном верхних 10%». Наш интерес — в военно-промышленном комплексе. Наш интерес — в деньгах, которые мы получаем в собственные карманы от взяток, поступающих из США, от НАТО, от компаний, которые мы представляем — вопреки интересам трудящихся и избирателей. Таким образом, происходит расхождение между национальным интересом и тем, что раньше называлось материалистическим подходом к истории — идеей о том, что страны действуют в своих собственных экономических, социальных и политических интересах демократическим образом, отражающим благо всего населения. Сегодня это больше не означает «национальный интерес» в западных экономиках — от Соединённых Штатов до Европы.

## **#Glenn**

Ну, нельзя сказать, что — извините, это будет мой последний вопрос. Нельзя сказать, что до этого конфликта не существовало структурных проблем. Если посмотреть на европейскую экономику двадцать лет назад, она была почти на равных с экономикой Соединённых Штатов — ЕС и США. Но с тех пор разрыв между американцами и европейцами только увеличился. Мне интересно, как вы объясняете это? Речь идёт о стоимости энергии, технологическом суверенитете, финансовизации или же просто о подчинении европейских интересов экономическим — прежде всего геополитическим интересам США?

А как вы объясняете исчезновение этого паритета? Ведь это было довольно важно для европейцев — так, как они представляли себе эпоху после холодной войны. Предполагалось, что это будет коллективная гегемония, где США и ЕС выступают равноправными партнёрами. А если перемотать к сегодняшнему дню, как вы сказали, главная цель европейцев, похоже, состоит в том, чтобы надеяться, что Америка примет Европу в роли младшего партнёра, если мы достаточно подчинимся, — что весьма далеко от того, где мы были двадцать лет назад.

## **#Michael Hudson**

Ну, Гленн, ты знаешь, я в первую очередь финансовый экономист, так что это вряд ли удивительно. Я связываю весь упадок Европы с её катастрофическим переходом на евро. Это немецкие правила, согласно которым европейские правительства — включая центральный банк Европейского союза — не должны создавать собственные деньги. Им, по сути, приходится занимать их, и они не могут иметь бюджетный дефицит более 5% ВВП. Европа с самого начала заявила, что при таких правилах она никогда не сможет применять те же кейнсианские меры для экономического восстановления, которые использовали Соединённые

Штаты, Китай и все успешные индустриальные страны. Они решили связать руки банковской и финансовой системе Европы, не позволяя правительствам предоставлять достаточно кредита для роста экономики, в то время как всё большая часть национального дохода уходит на финансирование и рентные виды деятельности.

Эта концепция возникла в Чикагском университете — у радикалов школы жёстких денег, последователей Милтона Фридмана. И Соединённые Штаты прекрасно понимали, что делают: навязывая Европе эти саморазрушительные, узколюбые правила, они лишили её возможности использовать современную монетарную политику, которую США применяют в правоконсервативных целях, но не для тех задач, ради которых была разработана современная монетарная теория — для содействия общему экономическому росту. Таким образом, Европа с самого начала связала себе руки, не позволив государству играть активную роль. Соединённые Штаты поддерживали политиков, которые говорили: «Хотя Европа сейчас объединяется, это будет Европа корпораций. Мы хотим, чтобы страной руководила Мелони в Италии. Мы хотим именно того корпоративизма, за который выступал Муссолини в Италии. Мы потерпели поражение во Второй мировой войне, но теперь не потерпим снова». И в этом вся безумность происходящего.

Разумеется, каждая промышленная экономика — включая Италию, Европу и особенно Германию — развивала свою промышленность в XIX веке как смешанную экономику, где государство играло ведущую роль в создании общественной инфраструктуры и поддерживало центральный банк, обеспечивавший экономику кредитом. Она опиралась на государственные банки и государственные правила, направлявшие финансы в производство, формирование производственного капитала и реальные инвестиции — строительство фабрик и создание рабочих мест. Сегодня Европа уже не придерживается такого подхода. И, по сути, я не думаю, что европейцы уделяют много внимания тому, что сделало промышленную Германию XIX века столь продуктивной и позволило ей выйти в лидеры, а также тому, что сделало французскую промышленность столь эффективной.

Почему в XIX веке он пережил такой стремительный взлёт, став экономическим центром мира, а теперь отходит на периферию? Если сравнить разницу, то в основном дело в роли государства в том, что становилось индустриальным социализмом. Это называлось социальной демократией, что на деле означало социализм в Германии и других ведущих индустриальных странах Европы. А теперь это превратилось в финансовый капитализм, при котором большая часть европейского богатства создаётся финансовыми, а не промышленными средствами. Финансовый сектор понимает, что легче делать корпоративные и личные состояния в сокращающейся экономике, чем в растущей, потому что в сокращающейся экономике наблюдаются дефляция, неплатёжеспособность, банкротства.

Вы наблюдаете огромную концентрацию собственности и богатства, и то же самое произойдёт в Европе, как это уже происходит в Соединённых Штатах. Такая поляризация в конечном итоге обедняет экономику в целом и приводит к приостановке демократических свобод —

свободы выражения, права голоса. Она сводит на нет роль избирателей в выборе национальных руководителей из-за всепоглощающей системы контроля ЕС, которая была захвачена союзом неоконсерваторов и финансовой олигархии, всё больше опирающихся на военно-промышленный комплекс и его связи с Соединёнными Штатами. Это действует как своего рода субсидия для этих частных компаний и персоналий — таких, как Тони Блэры континентальной Европы и Меркели, которые смогли взять власть в свои руки.

## **#Glenn**

Поразительно, что европейский проект, начавшийся после Второй мировой войны с соглашения по углю и стали, изначально был направлен на обеспечение прозрачности, предотвращение милитаризации и служил антивоенным проектом. Теперь же ЕС всё больше определяет себя, по собственным словам, как «геополитическую Европу», в которой экономическое развитие будет стимулироваться военным кейнсианством. Так что... ну, спасибо, как всегда. Я очень ценю, что вы нашли время. Спасибо.

## **#Michael Hudson**

Ну, думаю, это не слишком оптимистично — если только ты не считаешь перспективу революции чем-то обнадеживающим.